ПОСЛЕДНЕЕ ПРОРОЧЕСТВО МАСТЕРА

Если обычный писатель идет по следам событий, то у Михаила Булгакова — сплошь да рядом происходило наоборот: сперва описывал, а уж потом это случилось в действительности. Вот один, малоизвестный, но весьма красноречивый пример.

«Загорелось как-то необыкновенно, быстро и сильно, как не бывает даже при бензине. Сейчас же задымились обои, загорелась сорванная гардина на полу и начали тлеть рамы в разбитых окнах».

Это — «Мастер и Маргарита», сцена пожара в квартире Берлиоза, которую минуту спустя Воланд со свитой навсегда покинул, вылетев в окно. Эпизод написан, вернее, продиктован жене Елене Сергеевне в ночь с 22-го на 23 января 1934 года. О чем в ее дневнике — а Елена Сергеевна вела дневник почти всю их совместную жизнь — есть соответствующая запись.

«Он, лежа, диктовал мне главу из романа — пожар в Берлиозовой квартире. Диктовка закончилась во втором часу ночи».

Но это еще не все. Дальше Елена Сергеевна, отличавшаяся редкой пунктуальностью, рассказывает, что отправилась в кухню приготовить что-нибудь перекусить, в кухне кипятилось на керосинке белье, домработница, пребывающая не в духе, «рванула таз с керосинки, та полетела со стола, в угол, где стоял бидон и четверть с керосином — не закрытые. Вспыхнул огонь».

Примчавшийся на женские крики Булгаков, «в одной рубашке, босой... застал уже кухню в огне».

Конечно, это — случай исключительный: еще, как говорится, не просохли чернила, а увиденное мысленным взором автора воплотилось в реальность. Обычно было не так. Обычно между предсказанием, которое он делал — устно ли, в книгах ли своих, — проходило довольно много времени. Месяцы... Годы... А то и десятилетия.

Ну, ладно, роман: там автор — хозяин-барин, и, объявив, к примеру, что рукописи не горят, с помощью всемогущего Воланда восстанавливает сгинувший в огне шедевр. Но ведь нечто подобное имело место и в жизни, только уже без всякого участия дьявола, а благодаря иным силам, тоже, впрочем, нечистым.

7 мая 1926 года бравые, в коже и португезе молодчики из ОГПУ при обыске изъяли у Булгакова вместе с рукописью «Собачье сердце», о котором мы еще будем говорить, три тетради дневников. Вмешался Горький, и через два года тетради вернулись к их владельцу, но тот, дабы никто никогда не смог больше их прочесть, бросил дневники в огонь.

Однако прочли! Спустя несколько десятилетий, когда творца «Мастера и Маргариты» давно уже не было в живых, в архивах ОГПУ были обнаружены обстоятельнейшие выписки из тех сожженных пламенем тетрадок...

Предсказал Булгаков и собственный конец. Мало что год назвал, но и привел обстоятельство смерти, до которой было еще добрых полдюжины лет, даже больше, и которую тогда ничто не предвещало.

«Имей в виду, — предупредил он свою избраницу, — я буду очень тяжело умирать, — дай мне клятву, что ты не отдашь меня в больницу, а я умру в тебе на руках».

Эти слова настолько врезались в память Елены Сергеевны, что через тридцать лет она без записки привела их в одном из писем — к живущему в Париже родному брату Булгакова. И продолжала: «Я нечаянно улыбнулась — это был 32-й год, Мише было 40 лет с небольшим, он был здоров, совсем молодой...»

Она улыбнулась, но он, великий мистификатор, насмешник и мастер розыгрышей, на сей раз оставался торжественно серьезен. И еще раз потребовал, чтобы она ему такую клятву дала.

И вот назначенный срок наступил. Булгаков чувствовал себя настолько хорошо, что супруги отправились в Ленинград, и здесь, на Невском проспекте, солнце стало вдруг меркнуть в глазах Михаила Афанасьевича. Писатель почувствовал, что спелнет. Тут же нашли профессора — профессор осмотрел больного и приказал немедленно возвращаться домой. «Ваше дело плохо».

В Москве медицинские светила подтвердили диагноз ленинградского коллеги и потребовали срочной госпитализации, но Булгаков, будучи сам врачом, понимал, что никакая госпитализация его не спасет. «Я нигде не поеду от нее», — объявил он и напомнил о давней ее клятве.

Елена Сергеевна клятву сдержала.

«Ноги ему не служили. Мое место было — подушка на полу около его кровати». До последней секунды не выпускал ее руки...

Сдержала она и другую свою клятву: напечатала «Мастера и Маргариту», а также исполнила то, чего не обещала, ибо понятия не имела о неких его пророческих, как оказалось, словах; он написал их своему старому другу Павлу Сергеевичу Попову, ставшему потом его первым биографом.

Речь в письме шла об инсценировке «Мертвых душ», которую сделал Булгаков и за которую испытывал перед их создателем своего рода неловкость. Ему даже, как явствует из письма, приснился Гоголь. «...Ко мне ночью вбежал хорошо знакомый человек с острым носом, с большими сумасшедшими глазами. Воскликнул: «Что это значит?»

Оправдываясь, автор инсценировки что-то бормочет в ответ, а потом в письме следует обращенная — но уже, естественно, не к адресату, а к самому Гоголю — та самая пророческая фраза: «Укрой меня своей чужною шинелью!»

И Гоголь укрыл. Укрыл в самом что ни на есть прямом

смысле слова — с помощью, правда, Елены Сергеевны, которая, нечаянно наткнувшись в мастерской при Новодевичьем кладбище на странную гранитную глыбу, осведомилась, что это такое, и услышала в ответ: плита с могилы Гоголя. Ее убрали, когда Гоголю ставили новое надгробие... «По моей просьбе, — рассказывала после Елена Сергеевна, — при помощи экскаватора, подняли эту глыбу, подвезли к могиле Миши и водрузили».

Так сбылось еще одно булгаковское предвидение, пусть и высказанное в непривычной форме обращения к классику, которого писатель считал своим учителем. Но коль скоро этот человек обладал феноменальным, даже для великого художника, пророческим даром, то давайте посмотрим, не сказал ли он чего-нибудь про наш сегодняшний день, про день завтрашний.

Разумеется, сказал — надо только уметь прочитать это.

Мы уже упоминали написанную в 1925 году и напечатанную лишь шесть десятилетий спустя фантастическую повесть «Собачье сердце». О чем эта вещь? О том, как обычная собака по кличке Шарик неожиданно-негаданно превращается после операции в человека, но в человека скверного, страшного: не зря фамилия «Шариков» стала ныне именем нарицательным... Хотя Шарик здесь ни при чем, пестро, если помнит читатель, был существом добрым и благородным, просто в его шкуру вселили ненароком мерзавца по имени Клим Чугункин.

Конечно, в моральном отношении Клим не человек, а некое чудовище злостное и опасное. Повесть Булгакова, таким образом, — это повесть не об очеловечивании собаки, как то может показаться на первый взгляд, а об оскотинивании человека.

Первые слушатели (Булгаков любил читать свои произведения вслух) хорошо поняли это. Сохранился отзыв одного из них: «Пришло время реализации отношения к проклятому». Имеется в виду происшедшее со страной. (Еще раз напомним время написания: 1925 год). Угроза обезчеловечивания, которую одним из первых углядел Булгаков, стала, увы, свершившимся фактом. Не это ли и есть самая страшная наша трагедия? Пророчество писателя сбылось, но это — не последнее его пророчество. Последнее зашифровано на заключительных страницах его знаменитого романа «Мастер и Маргарита», над которым автор работал вплоть до смертного своего часа.

Страницы эти следуют сразу после того пожара в Берлиозовой квартире, с которого мы начали. Воланд и его свита вылетают из охваченного пламенем дома — вы помните, что это за свита? Кривляки Коробьев, обжора и бандит кот, кляпистый разбойник Азazelо. Но полет чудесным образом преобразовывает их. Вместо балаганного шута Коробьева появляется «темно-фиолетовый рыцарь», у его товарища по жестокому забаву отпадает хвост — «тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей», а у страшилища Азazelо «кисчез бесследно нелепый безобразный клык».

Отвратительные метаморфозы оказались, к счастью, обратимыми: исконный облик вернулся. Это ли не пророчество? Это ли не обещание, что мы с вами вновь станем людьми? Тем более, что полет наш, кажется, уже начался...

Руслан КИРЕЕВ.